

А.А. Холиков (Москва, Россия)

**«Тайну творческого воображения я разгадываю всю жизнь»:
к юбилею Ларисы Степановны Логахиной**

Аннотация: Юбилейная заметка в честь Л.С. Логахиной, многолетнего сотрудника филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, содержит не только редкие биографические сведения, но главным образом – мемуарные свидетельства, не публиковавшиеся прежде. Интерес читателя может вызвать яркая личность юбиляра, поступившего в университет на заре хрущевской оттепели, ставшего свидетелем и непосредственным участником более чем полувекового пути в развитии родного факультета. Разносторонние увлечения Л.С. Логахиной выходят далеко за его пределы, но именно филология остается для нее тем, что можно назвать смыслом жизни и чем будешь всегда гордиться.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, юбилей, биография, Л.С. Логахина

A.A. Kholikov (Moscow, Russia)

**“I have been unraveling the mystery of creative imagination all my life”: For the
Jubilee of Larisa Stepanovna Logakhina**

Abstract: The material centers on the bright personality of the jubilee, who entered the university at the beginning of the Khrushchev thaw, and became a witness and participant in the more than half-century existence of the philological faculty.

Key words: Lomonosov Moscow State University, philological faculty, jubilee, biography, L.S. Logakhina

И вот я задаюсь вопросом о том, кто и как становится филологом...
Фридрих Ницше

Путь Ларисы Степановны Логахиной (р. 16.08.1939) на филологический факультет МГУ пролегал из деревни Брѣхово Московской области. «Мама, сельская учительница, попавшая сюда по распределению после окончания в 1936 году педтехникума в Дровнино, заведовала деревенской начальной школой, что помещалась в простой пятистенной избе, на отшибе от деревни, в лесу, а мы, соответственно, жили при школе. Одна половина дома – класс, где проходили занятия, а другая половина – наше жильё. А когда мама работала еще и на общественных полях, то есть была народным депутатом местного значения и часто отлучалась, мы с

братом оставались на попечении технички и няни (девушки из какой-то тамбовской деревни, их вербовали тогда на разработку подмосковных торфяников и называли “торфушками”)), – вспоминает сама Лариса Степановна. По ее же признанию, на всю дальнейшую линию жизни повлияли вечерние, при керосиновой лампе, чтения вслух романа «Война и мир» и «литературные разговоры» мамы и няни о Л.Н. Толстом: «Потом у чтиц появилась другая книжка – “Анна Каренина”, и разговоры взрослых приняли тайный характер. Эти тайны меня будоражили, а так как мы жили при школе и я просиживала с утра до вечера в учебном классе, то в 5 лет уже бойко читала. Мне очень хотелось читать запретную “Анну Каренину”, и я, наконец, добралась до нее». Что же так поразило детское сознание? «Я никак не могла понять, – отвечает Лариса Степановна, – откуда и почему этот писатель Толстой столь хорошо знает, о чем думает Анна перед смертью. Я перечитывала эти страницы, надеясь, что Анна осталась жива и могла рассказать ему об этом. Но, увы...» Филология представлялась ключом к разгадке тайны творческого воображения.

Нечасто выбираясь в Москву, девочка разглядывала из окна электрички тогда еще новую высотку МГУ на Ленинских горах, и вопроса о выборе места учебы у нее не возникало. Как серебряной медалистке (из-за «четверки» за школьное сочинение по пьесе М. Горького «На дне») будущей студентке филфака пришлось сдавать часть экзаменов. Вступительное сочинение по В.В. Маяковскому (писалось в большой аудитории, рядом со знаменитой Коммунистической, под наблюдением, что стало понятно позднее, легендарного В.Н. Турбина) и русский язык (устно) открыли перед Ларисой Степановной двери на родной факультет. Тогда он размещался в старом здании на Моховой. Шел 1956 год...

По свидетельству И.А. Мельчука, уже окончившего к тому времени филологический факультет МГУ, «1956 год – очень важный момент в жизни России. Только что Хрущев объявил о конце сталинизма; <...> Началась эпоха “бури и натиска”, с последующей розово-голубой романтикой. Казалось, перед нами открылись бескрайние горизонты нормального существования. “Оттепель”, как назвал это время Эренбург. А я бы сказал – неожиданный конец полярной ночи и сумасшедшая, неудержимая Весна. <...> Больше я никогда не переживал такого всеобщего ликования. <...> Начались грандиозные преобразования в науке» (см. в книге М. Бурас «Лингвисты, пришедшие с холода»).

Однако внутреннее состояние первокурсницы, приехавшей в столицу из совсем другой среды, мемуарная зарисовка именитого лингвиста вряд ли передаст. Провинциальной барышне еще многое предстояло осмыслить и осознать, преодолевая «отставание» от интеллектуальной «элиты», обитавшей на так называемом Психодроме, в садике перед историческим зданием факультета, перед склоненными головами Герцена и Огарева. «Свободоговорение интеллигенции шестидесятых зарождалось и являлось именно здесь. Лихие юноши и девушки изрекали истины безапелляционно, уверенно, амбициозно» – вот что на долгие годы сохранила память: «Я с большим любопытством “вслушивалась в звуки”, прислушивалась к речам, к шуму и ярости, царившим на этом информационном поле.

– Пушкин? Нет!

– Лермонтов? О! Да!

– Толстой? Не было такого великого писателя. Толстой просто “мусорный мужик”, обыкновенный моралист.

– Достоевский? Да!»

Надо ли объяснять, какое впечатление такие беседы производили на вчерашнюю школьницу, всегда выбиравшую Толстого и не знакомую с запрещенными вплоть до хрущевской оттепели Ильфом и Петровым, цитатами из которых «перемигивались» просвещенные однокурсники?!

Занятия в аудиториях дополнялись огромной самостоятельной работой в библиотеке. Когда Лариса Степановна перешла на второй курс, филологический факультет оканчивал будущий академик М.Л. Гаспаров. Знакомым студентам он говорил: «Помните, что университет – это пять лет, подаренные вам для самообразования, которому мешают лишь мелкие досадные заботы, например, посещение лекций» (см. «О школе и образовании (из интервью для газеты “Первое сентября”»)). За посещаемостью занятий пристально следили, и вместе с Ларисой Степановной на них сживал еще один прославленный академик, а пока что однокурсник, С.С. Аверинцев. На лекции по политэкономии он заявлялся в шапке-ушанке и садился поближе к преподавателю, в пустующий второй ряд. Но настоящая дружба, сохранившаяся на всю жизнь, завязалась не с ним, а с другим студентом классического отделения, А.Е. Кибриком (с 2006 – член-корр. РАН), который на те же лекции приходил со своим чемоданчиком и подсаживался на нем к однокурсникам, предпочитавшим переполненные задние ряды.

Увлеченность художественной литературой гармонично уживалась с лингвистическими «штудиями». В студенческие годы Лариса Степановна погрузилась в диалектологию, защитив у О.Г. Гецовой (создателя многотомного «Архангельского областного словаря», материалы для которого стали собираться как раз в середине 1950-х) дипломную работу о звукоподражательных глаголах в северных диалектах русского языка. Никаких внешних препятствий для поступления в аспирантуру не было, просто в те годы серьезные отношения с наукой у Ларисы Степановны не сложились, а после окончания университета судьба забросила ее в г. Кизел Пермского края. Здесь с сентября 1961-го выпускница МГУ «по жестокому распределению» преподавала русский язык и литературу в 8 классе школы №15. Жить пришлось в бараке при шахте №6 «Капитальная», где в окнах не хватало стекол (пришлось затыкать подушкой). Незадолго до этого, в конце 1930-х – начале 1950-х гг., в тех местах находилось спецпоселение, включенное в систему ГУЛАГа НКВД СССР. В местном магазине можно было купить только селедку и конфеты, и уже через несколько месяцев состояние здоровья Ларисы Степановны настолько ухудшилось, что врачам пришлось-таки отпустить молодого специалиста с «рудников».

Но скорбный труд филолога не пропал, а высокое стремление думать привело на родной факультет. Благодаря помощи А.Е. Кибрика, который еще в студенческие годы заинтересовался новейшей лингвистикой и семиотикой, а впоследствии породнился с созданным в 1960 г. отделением теоретической и прикладной лингвистики, Лариса Степановна была зачислена (сперва – по хоздоговору) в лабораторию, занимавшуюся экспериментальной фонетикой и автоматической обработкой текста. Помещение располагалось на Моховой, в полуподвальном этаже соседнего с факультетом здания, рядом с тиром. «Хоздоговорная форма научной работы, – рассказывал А.Е. Кибрик, – была задумана как способ материальной и организационной поддержки перспективных научных направлений в вузах, дающей им свободу кадрового маневра, расширяющей их научный потенциал и в то же время сближающей учебный процесс с практикой. Хоздоговора – это советский аналог западной системы научных грантов, на которую мы сейчас пытаемся переходить. Существенно, что в этом отношении кафедра сближалась с естественными фа-

культетами МГУ, будучи на своем родном факультете белой вороной и очень этим некоторых раздражая» (см. «Из истории кафедры и отделения структурной / теоретической и прикладной лингвистики (ОСиПЛ / ОТиПЛ): 1960–2000»).

Так, с мая 1962-го и поныне Лариса Степановна служит филологическому факультету. Менялись должности: сначала – старший лаборант, затем – младший научный сотрудник (1965), старший инженер (1970), старший инспектор (1982), инспектор первой категории (1991), специалист по учебно-методической работе первой категории (2008). Однако записи в трудовой книжке не отражают главное. Лариса Степановна – неутомимая душа и равнодушное сердце нашего факультета. Она работает для людей. Не случайно именно ей когда-то поручи-

ли курировать повышение квалификации преподавателей-филологов, приезжавших в МГУ со всей страны (доходило до 200 человек в год), а в свободное от учебы время – организовывать коллегам экскурсии по литературным местам. Работа большая, но благодарная. И кому как ни Ларисе Степановне суждено было стать хозяйкой Пушкинской гостиной в год 200-летия со дня рождения поэта? С тех пор на фоне Пушкина... нет, не «снимается семейство», а проводятся встречи с современными литераторами: прозаиками, поэтами, критиками. Некоторые из гостей в недавнем прошлом – выпускники Московского университета, сегодня – лауреаты престижных премий, а завтра... классики русской литературы?.. Время покажет. Да и не это важно. А то, что всякий раз происходит живой диалог людей, интересующихся литературой, молодых и не очень, филологов и не только, тех, для кого вот уже четверть века открываются двери Пушкинской гостиной. И с кем бы ни состоялась следующая встреча, она наверняка окажется событием в истории факультета.

Для иных юбилей только повод устроить шумное веселье с «шипением пенных бокалов», после чего – «забыться и заснуть». Для нас – приятная возможность признаться в любви. По такому случаю из всех цветов мы, конечно, выберем ирисы. Лариса Степановна давно и страстно увлечена темой «Ирисы в искусстве». Она составила внушительную коллекцию уникальных находок из произведений мировой литературы и живописи. Исследовательский потенциал этого частного собрания – на несколько диссертаций. А сам цветок – многомерный символ артистичности и утонченности его воздыхательницы. Известно, что в прежние времена аромат ириса помогал бороться с отравляющим душу унынием. Но Ларисе Степановне уныние не грозит. Чудотворный источник ее неиссякаемой энергии – спорт, а точнее бадминтон, которым она азартно занимается на зависть молодым, а потому лучше многих из них ответит на вопрос: «Что наша жизнь?..» Разгадывать эту тайну хочется вместе с ней. В одном строю. На одной «площадке». Многая лета!

Сведения об авторе:

Алексей Александрович Холиков,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Kholikov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
aakholikov@gmail